

Лариса Миллер
Между облаком и ямой

Лариса Миллер

*Поэтическая
библиотека*

Серия
основана в 1993 году

Лариса Миллер

*Между облаком
и ямой*

Москва HGS
1999

ББК 84Р7-5
М 60

Художник серии
Константин ЖУРАВЛЕВ

Художник книги
Лев САКСОНОВ

В оформлении обложки использован цветной офорт «Дневник»

Редактор-составитель
Борис АЛЬТШУЛЕР

Миллер Лариса Емельяновна

М 60 Между облаком и ямой. М.: НГС, 1999. — 184 с.
ISBN 5-7588-0422-3

«Свод бездонен голубой, / Но черны земли провалы, / Кратковременны привалы / Меж бездонностью любой», — эти строки стихотворения, написанного в 1974 году, возможно, могут служить эпиграфом к книге избранных стихотворений известного московского поэта и прозаика. Сборник существенно дополняет стихотворные главы книг автора, вышедших в последние годы, и включает как ранее публиковавшиеся стихотворения 60–90-х годов, так и новые стихи: «Помни, помни, тemento о ней — / Не о смерти, — о жизни, о жизни».

ISBN 5-7588-0422-3

© Миллер Л. Е., 1999

Стихи Ларисы Миллер

Много лет назад, более четверти века, Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Не знаю, всюду ли, но здесь, в моей стране, поэзия целительна и животворна, а люди не утратили дара проникаться её внутренней силой».

Прежде чем передать по мере сил, как подходят именно эти слова к стихам Ларисы Миллер и её читателям, отступлю ненадолго в сторону. Неужели прошло *много* лет? Для старых четверть века — совсем немного, для молодых — это почти вечность. Однако именно мы, немолодые, могли бы заметить, что живём в совершенно другом мире. Если бы Бог обращал внимание на нашу глупость, если бы Он не сокрушался из-за неё, а карал нас, словно мы «ведаем, что творим», мы бы Его довели своими жалобами. Пожалуйста, вспомните то время! Поистине, хлеб был отравлен, и воздух — выпит.

Надежда Яковлевна, человек трезвый и мудрый, не только знала это, но и уже лишилась той простой благодарной радости, которой полна её первая книга. Но вот, в печали, почти в отчаянии, она пишет эти слова. Гнева или не гнева Бога, многие скажут, что теперь они неверны. Многие даже решаются считать, что наше время хуже «того», поскольку исчезло всё то, что приравнивало поэта к пророку или к свидетелю, то есть мученику.

Обычно прибавляют, что царит невообразимая пошлость. Конечно. Царит, как и всегда. Даже нельзя сказать, что раньше она была скрыта: может быть, похабности скрывали, а всё остальное — ничуть. Того, что есть на свете, кроме пошлости, очень мало — тоже как всегда. Но оно есть, только за это меньше мучают. Точнее — мучают на мирском, непременно уровне, а не на адском.

Теперь обратим внимание на самые *слова* Надежды Яковлевны. Прежде чем сесть за это предисловие, я спрашивала людей — и давно любящих стихи Ларисы Миллер, и впервые узнавших — что с ними (людьми) происходит, когда они читают эти стихи. Лучше всего мы обобщим ответы, если скажем: они проникаются внутренней силой. Такая поэзия именно целительна и животворна.

Само по себе это — чудо, случилось же оно потому, что поэт, как героиня одной сказки, сочетает почти несочетаемое. Многие из нас, скажем я, в сущности *не жили* в «семидесятые годы», которые продолжались лет двадцать, хотя бы с суда над Синявским и Даниэлем и до весны 85-го. Тем самым мы не могли создавать того, что Сергей Сергеевич Аверинцев назвал «сокровищами семидесятых». Людей, которые тогда жили, не зная, что это — не жизнь, можно жалеть, не стоит бранить, но они уж точно ничего создать не могли. Лариса Миллер и жила и не жила не в смысле какой-то смутной недожизни. Она *полностью* жила и *полностью* не могла жить. Мы с ней не виделись, но стихи говорят гораздо больше, чем несовершенные земные встречи. В самой сердцевине этих лет она просит: «Научи меня просто му — дома радоваться дому», а в самом начале и без просьбы видит «июньский день и сад зелёный в квадрате моего окна». Поближе к концу она не только заклинает, но и рассказывает: «Хорошего уйма, хорошее сплошь [...] и если не манна слетает с небес, то всё ж филигранна, воздушна на вес снежинка...». Снежинки эти «на фоне безрадостных лиц», но по отношению к Ларисе Миллер слово это — не очень точное. Снова и снова в её стихах сочетаются благодарная пристальность и стоическая трезвенность. Ни вымученных восторгов, ни понурого безразличия в них нет никогда.

Другое сочетание несочетаемого: стихи классически просты, их справедливо называли аскетичными — но они покажут-

ся несовременными только очень простодушному снобу. За эти тридцать с лишним лет сменилось множество поветрий и много раз открывали, что простота — кончилась. Но чистые и строгие стихи пишутся снова, ничто их не берёт.

Сказала «стихи» и статью назвала «Стихи...», а пишу я не о стихах. Может быть, это вообще невыполнимо, разве что в крайне поэтичном эссе, или тоже в стихах, или в музыке. На самом деле я пишу о поэте, о годах и о чудесах. Сквозь слова Надежды Яковлевны мерцают понятия благородства, верности, стойкости, мудрости. Стихи эти писал, судя по всему, очень честный, суровый к себе и свободный человек (конечно, не «свободой прихотей»). Казалось бы, нам, людям, достаточно, чтобы нас щадили и жалели, но к автору этих стихов испытываешь странные чувства — уважение, а может — и почтение.

Ошибаюсь я или нет, но мне кажется, что человек этот, ко всему прочему — взрослый. Конечно, не в обычном, мирском смысле слова — тогда он не увидел бы ни окна, ни снежинки, и не знал бы о себе исключительно важного: «Не вмещаю, Господи, не вмещаю, Ты мне столько даришь, а я нищаю». Но другой, высокий смысл слова «взрослый» проглядывает даже в этих строках. Лариса Миллер сумела выразить поистине библейскую радость, рассказывая как сотворены стихи: «Когда Господь на дело рук / Своих взглянул, и в нём запело / Вдруг что-то будто бы задело / Струну в душе, запело вдруг... И с той поры / Трепещет рифма, точно пламя, / Рождённое двумя словами / В разгар Божественной игры». Псалмопевец Давид, Тереза Авилакая, Честертон, Манделштам — дети в позе блудного сына — знали такую радость; однако мне кажется, что Лариса Миллер знает *это* — сердцем, а не надеждой — значительно реже поэта-царя. Григорий Соломонович Померанц, в котором много детского, назвал её стихи «поэзией»

горькой правды». Да и всякий ощутит, что она отделена от блаженства какой-то прозрачной стеной, сквозь которую и просит о радости. Тем поразительней и трогательней, что требований и жалоб нет, есть печаль, а иногда — усталость, вещи куда более достойные. Да, вот ещё слово — достоинство. Может быть, самые жалкие жалобы, самая простая слабость, тем более — ничтожность (в прямом смысле) убавили бы достоинства, но помогли бы жить. Однако тут мы выходим за пределы стихов, к прямой проповеди, которая сейчас так опошлена, что делать этого не стоит. Лариса Миллер пишет: «На тьму лирических словес наложим вето». Насколько же больше нужно такое вето для «духовных рассуждений»! Хотя, в чём искренне каюсь, я его здесь нарушила.

Если же вернуться просто к чудесам, то стойкий и трогательный, удивительно здоровый душой и очень хрупкий человек находит слова, в которых совсем уж слились боль и надежда: «Всё разрешится чистым "ля", всё разрешится./ Ложатся под ноги поля — полынь, душица./ Садится бабочка на грудь и гнётся стебель./ Всё разрешится где-нибудь — не здесь, так в небе./ Не здесь, так в чистых небесах. Не вечно бремя./ Коль ты сегодня при часах, скажи мне время./ — Хочу узнать, когда в краю, где столько лиха,/ Бывает тихо, как в раю. Тепло и тихо».

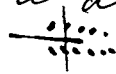
Вот — сборник, новое окно из суеты на «луговину ту, где время не бежит». Читая эти стихи, я вспоминала, страдала, благодарила, а потом и скорбь, и строгость, и даже отчаяние недавних стихов исчезли куда-то, остались травы, тишина и рай.

*Наталья Трауберг
Март 1999 г.*

*Что с городом моим, что с ним,
С тобой, со мной, со всеми нами?
Закатное бушует пламя,
И мы в том пламени горим.
Сгорим – останется зола.
Зола созвучна слову «злато»,
Созвучна золоту заката...
«Живу» сменилось на «жила»,
Сменились малого словца
Две крайних буквы, что не ново,
Сменилось окончанье слова
В речах, которым нет конца.*

На прехний сад на прехний дол,
На предакнй орку Содом,
Не пошедет в келной керелі

Безымянный день

Стихи 60–70-х годов

* * *

А у меня всего одна
Картина в рамке побелённой:
Июньский день и сад зелёный
В квадрате моего окна.
...И дуба тень, и дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, —
Омытый ливнем подорожник.

1967

* * *

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах —
Вот ещё один взмах, и ещё один взмах —
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив.
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность —
Всё неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом — небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это бьюлю.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.

1971

* * *

И я испытывала страх,
Живя, как на семи ветрах,
Не находя себе опоры
Среди всеобщего разора.
И я искала утешенья
В ежесекундном мельтешеньи,
Средь шумных орд, на тропах торных,
В делах и планах иллюзорных.
Ни света не нашла, ни блага.
Нашла, что воля, и отвага,
И утешенье — в нас самих.
Безумен мир окрест иль тих —
Лишь в нас самих покой и сила.
Чума какая б ни косила,
Мы до известного предела
Сберечь способны дух и тело,
Распорядясь судьбой земной.
...А вдруг всё вздор, и голос звонок
Лишь оттого, что ты со мной
И не хворает наш ребёнок?

1971

* * *

Ни горечь, ни восторг, ни гнев
И ни тепло прикосновений.
Лишь контуры домов, дерев,
Дорог, событий и явлений.
У тех едва заметных рек,
Тех еле видимых излучин
Ещё и не был человек
Судьбою и собой измучен.
И линией волосяной
Бесплотный гений лишь наметил
Мир, что наполнен тишиной,
Без шепота и междометий.
Да будут легкими штрихи,
Да будет вечным абрис нежный
И да не знать бы им руки,
Излишне пылкой иль прилежной.
Да научиться бы войти
В единый мир в час ранней рани,
Не покалеча по пути
Ни малой черточкой, ни грани.

1971

* * *

И всё же уговор жестокий —
Не оглянуться на истоки,
На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,
На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Вослед глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам,
И не простившись даже взором?

1971

* * *

Нас годы предают,
Нас годы предают,
Нас юность предаёт,
Которой нету краше,
И птицы, и ручьи
Весенним днём поют
Не нашу благодать,
Парение не наше.

Лети же, юность, прочь,
Я не коснусь крыла
И не попомню зла
За то, что улетела.
Спасибо, что была,
Спасибо, что вольна —
И улетела прочь
Из моего предела.

И я учусь любить
Без крика «подожди!»,
Хоть уходящим вслед
С отчаяньем гляжу я.
И я учусь любить
Весенние дожди,
Что нынче воду льют
На мельницу чужую.

1972

* * *

Жизнь побалует немного —
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.

1972

* * *

Ветер клонит деревья,
Пробивается трава,
Пробиваются слова
Точно из-под спуда.

Хоть и девственна трава,
Да затасканы слова
Про земное чудо.

Всё воспето до клочка,
До зелёного сучка,
Что колеблем птахой.

Что слова? Молчком живи,
Словом Бога не гневи,
Вешний воздух ртом лови
Да тихонько ахай.

1973

* * *

Так хрупок день — сосуд скудельный.
И, бредя далью запредельной,
Летят по небу облака.
Хоть ощутима твердь пока,
Но ей отпущен срок недельный.
И с талым льдом сойдёт на нет
Всё то, под чем таятся хляби,
И будет вешней водной ряби
Неуловим и зыбок цвет.
По шалым водам поплывут
Жилища, изгороди, щепки,
И облака невнятной лепки.
И распадётся наш уют.
И сгинут кровля и порог.
Взамен устойчивой опоры
Придут текучие просторы
Без верной меты, без дорог.

1974

* * *

В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву
От родных берегов в неизвестность плыву,
В неизвестность плыву от родного крыльца,
От родных голосов, от родного лица.
В неизвестность лечу, хоть лететь не хочу,
И плотней к твоему прижимаюсь плечу.

Но лечу. Но иду. Что ни взмах, что ни шаг —
То невиданный свет, то невиданный мрак,
То невиданный взлёт, то невиданный крах.
Мне бы медленных дней на родных берегах,
На привычных кругах. Но с утра до утра,
Заставляя идти, дуют в спину ветра.
Сколько раз ещё свет поменяется с тьмой,
Чтобы гнать меня прочь от себя от самой.
Умоляю, на спаде последнего дня
Перед шагом последним окликни меня.

1974

* * *

Было всё, что быть могло,
И во что нельзя поверить.
И какой же мерой мерить
Истину, добро и зло.

Кто бесстрашен – взаперти,
Кто на воле – страхом болен,
Хоть, казалось бы, и волен
Выбирать свои пути.

Свод бездонен голубой,
Но черны земли провалы,
Кратковременны привалы
Меж бездонностью любой.

Чёрных дыр не залатать.
Всяко было. Всё возможно.
Может, завтра в путь острожный
Пыль дорожную глотать.

Мой сынок, родная плоть,
Черенок, пустивший корни
Рядом с этой бездной чёрной,
Да хранит тебя Господь

От загула палачей,
От пинков и душегубки,
От кровавой мясорубки
Жути газовых печей.

Ты прости меня, прости,
Что тебя на свет явила.
И какая может сила
В смутный час тебя спасти.

Эти мысли душу жгут,
Точно одурь, сон мой тяжкий.
А в твоём — цветут ромашки.
Пусть же век они цветут.

1974

* * *

От жажды умираю над ручьём...
Франсуа Вийон

Научи меня простому —
Дома радоваться дому,
Средь полей любить простор,
И тропу, какой ведома
По низинам, в гору, с гор.

Но кого прошу? Ведь каждый,
Может статься, так же страдает.
Что ж прошу я и о чём,
Если ближний мой от жажды
Умирает над ручьём?

1975

* * *

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.

Но отныне на века —
Жить на тверди, небу внемля,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.

1975

* * *

О, разнотравье, разноцветье.
Лови их солнечною сетью
Иль дождевой — богат улов.
А я ловлю их в сети слов.
И потому неуловимы
Они и проплывают мимо.
И снова сеть моя пуста,
В ней ни травинки, ни листа.
А я хотела, чтоб и в стужу
Кружило все, что нынче кружит,
Чтобы навеки был со мной
Меня пленивший миг земной,
Чтобы июньский луч небесный,
Запутавшись в сети словесной,
Светил, горяч и негасим,
В глухую пору долгих зим,
Чтоб всё, что нынче зримо, зряче,
Что нынче и поёт и плачет,
А завтра порастет бьельём,
Осталось жить в стихе моём.

1975

* * *

А там, где нет меня давно,
Цветут сады, грохочут грозы,
Летают зоркие стрекозы,
И светлых рек прозрачно дно;
И чья-то смуглая рука
Ласкает тоненькие плечи.
Там чей-то рай, там чьи-то встречи.
О, юность, как ты далека!
Вернуться в твой цветущий сад
Могу лишь гостем, чтоб в сторонке
Стоять и слушать щебет звонкий
И улыбаться невпопад.

1975

* * *

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки —
Миражные труды невидимых подёнок?
Спасение моё — живая плоть, ребёнок.
Дитя моё — моих сумятиц оправданье.
Осмысленно ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя — труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

1975

* * *

Казалось бы, всё мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождем промыто.
И всё же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, —
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.

1975

* * *

Безымянные дни. Безымянные годы.
Безымянная твердь. Безымянные воды.
Бесконечно иду и холмом, и долиной
По единой земле, по земле неделимой,
Где ни дат, ни эпох, ни черты, ни границы,
Лишь дыханье на вдох и на выдох дробится.

1976

* * *

Пишу — ни строчки на листе.
Рисую — пусто на холсте.
И плачу, не пролив слезы
Под небом цвета бирюзы.
Мой белый день — дыра, пробел.
Мой добрый гений оробел
И отступился от меня,
И жутко мне средь бела дня.
Пробел... А может, брешь, пролом,
Просвет, явивший окоём,
Счастливым лаз в глухой стене,
И добрый гений внемлет мне?

1976

* * *

Шито белыми нитками наше житьё.
Посмотри же на странное это шитьё.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дёргая нить.
Шито всё на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдётся по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший густой снегопад.
Белоснежные нитки прошили простор
В драгоценной попытке отсрочить разор,
Всё земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

1976

* * *

А вместо благодати — намёк на благодать,
На всё, чем вряд ли смертный способен обладать.
О, скольких за собою увлёл еще до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведёшь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю — и над бездной ты не подашь руки.
Хоть знаю — только этот почти неслышный глас —
Единственная радость, какая есть у нас.

1976

* * *

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом
И рожаем в доме том.
И цветёт над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пелёнки кружевной.

1976

* * *

Не мы, а воздух между нами,
Не ствол — просветы меж стволами,
И не слова — меж ними вдох
Содержат тайну и подвох.
Живут в пробелах и пустотах
Никем не сыгранные ноты.
И за пределами штриха
Жизнь непрерывна и тиха.
Ни линий взбалмошных, ни гула —
Пробелы, пропуски, прогулы. '
О мир, грешны твои тела.
Порой черны твои дела.
Хоть между строк, хоть между делом
Будь тихим-тихим, белым-белым.

1977

* * *

О Боже, всё звучит, всё требует огласки.
И птицы напрягли голосовые связки.
И вынесла на свет, журча, вода-болтунья
Всё то, что в тайниках хранилось накануне.
Слияние лучей и многих вод слиянье,
Слиянье слёз и слов и душеизлиянье.
При ярком свете дня поют, кому что любо,
И лишь одну меня не слушаются губы.

1977

* * *

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.

Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.

Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул — она запела.
Это ли не благодать?

Ты вздохнул — она поёт,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролёт.

1977

* * *

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Всё ни о чем — огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

1977

* * *

Когда любовь перегорала,
Когда из многих тем хорала
Звучали только зов и стон,
Любовь от смерти спас канон.
Был глас любви от муки ломок,
Но был канон и твёрд и ёмок.
И тема, много претерпев,
Преобразилась в тот напев,
Который все в себя вбирает
И никогда не умирает,
Куда бы рок его ни гнал.
И потому лишь был финал,
Что от восторга, слёз иль пыла,
Но горло вдруг перехватило.

1977

* * *

Всё в воздухе висит.
Фундамент — небылица.
Крылами машет птица,
И дождик моросит.
Всё в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат.
И спят, когда темно,
И вновь встают с зарёй.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землёй.

1977

* * *

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает — грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

* * *

Осенний ветер гонит лист и ствол качает.
Не полегчало коль ещё, то полегчает.
Вот только птица пролетит и ствол качнется,
И полегчает, наконец, душа очнётся.
Душа очнётся, наконец, и боль отпустит.
И станет слышен вещей глас в древесном хрусте
И в шелестении листвы. Под этой сенью
Не на погибель всё дано, а во спасенье.

1978

* * *

Всё как будто не фатально —
Впереди монументальный,
Впереди заветный труд,
А пока лишь моментальный
Неоконченный этюд.
Поиск фона, поиск тона
Для земли и небосклона,
Для деревьев и травы,
Поиск нужного наклона
Непокорной головы.
А пока набросок, проба,
Вариант — и так до гроба.
Ярче верх, темнее низ.
Годы жара и озноба,
А в итоге лишь эскиз,
Лишь этюд, дороги нитка,
Некто, нечто, дом, калитка,
Сад, готовый отцвести, —
Бесконечная попытка
Скоротечное спасти.

1978

* * *

Куда бежать, как быть, о Боже, —
Бушует влажная листва.
И лишь непомнящих родства
Соседство с нею не тревожит:
Её разброд, метанье, дрожь,
И шелестенье, шелестенье:
«Ты помнишь? Помнишь? Сном и бдением
Ты связан с прошлым. Не уйдёшь.
Ты помнишь?» Помню. Отпусти.
Не причитай. Не плачь над ухом.
Хочу туда, где тесно, глухо,
Темно, как в люльке, как в горсти,
Где не беснуются ветра,
Душа не бродит лунатично,
А мирно спит, как спят обычно
Под шорох ливня в пять утра.

1978

* * *

На смерть Яши К.

Встань, Яшка, встань. Не умирай. Как можно!
Бесчеловечно это и безбожно,
Безжалостно ребенком умирать.
Открой глаза и погляди на мать.
Ты погляди, что с матерью наделал.
Она твоё бесчувственное тело
Всё гладит и не сводит глаз с лица.
И волосы седые у отца.
Он поправляет на тебе рубашку
И повторяет: «Яшка, сын мой, Яшка».
И повторяет: «Яшка, мой сынок».
Гора цветов. Венок. Ещё венок.
...Пришёл ко мне смешливым второклашкой.
Нос вытирал дырявой промокашкой.
И мы с тобой учили «I and You»,
«I cry, I sing» — я плачу, я пою.
Как жить теперь на свете. Жить попробуй,
Когда вот-вот опустят крышку гроба,
В котором мальчик, давний ученик.
Его лицо исчезнет через миг.
И нет чудес. Но, Господи, куда
Ещё не выросла сырая гряда
Земли, не придавили снег и лёд,
Приди, вели: «Пусть встанет. Пусть идёт».

1979

* * *

Опять это темп — злополучное presto
И шальные души срываются с места,
И мчатся, сшибаясь, во мгле и в пыли,
Как будто бы что-то завидев вдали,
Как будто вдали разрешение, развязка,
И вмиг прекратится безумная пляска.
Неужто весь этот порыв и угар
Всего лишь музыка — бемоль и бекар;
Неужто наступит покой, передышка
И ляжет на клавиши черная крышка?..
Неужто два такта всего до конца?
Семь нот в звукоряде. Семь дней у Творца.
И нечто такое творится с басами,
Что воды гудят и земля с небесами.

1979

* * *

Хоть кол на голове теши —
Всё улыбаешься в тиши.
Тебе — жестокие уроки,
А ты — рифмованные строки.
А ты — из глубины души
Про то, как дивно хороши
Прогулки эти меж кустами
Ольхи. Твоими бы устами...

1979

→ Как в душу,

2 Я в реку шепчу: "Послушай"
Прошу: "Поведай, покажи".
А там лишь небо да сирени.

Земля и Дом

Стихи 80-х годов

* * *

Тончайшим сделаны пером
Судьбы картинки,
И виснут в воздухе сыром
На паутинке.
Летящим почерком своим
Дожди рисуют,
И ветер лёгкие, как дым,
Штрихи тасует.
...Рисуют, будто на бегу,
Почти небрежно.
Я тот рисунок сберегу,
Где смотришь нежно.
Живу покорна и тиха.
И под сурдинку
Колелет ветер два штриха
И паутинку.

1980

* * *

Не знаю кем, но я была ведома
Куда-то из единственного дома,
Не потому ли по ночам кричу,
Что не свои, чужие дни влачу,
Расхлёбывая то, что навязали,
И так живу, как будто на вокзале
Слоняюсь вдоль захватанных перил...
Да будь неладен тот, кто заварил
Всю канитель и весь уклад досадный.
Приходит в мир под свой же плач надсадный
Дитя земное. Кто-нибудь, потрафь
И посули невиданную явь.
Как музыка она, иль Божье Слово.
Но мне в ответ: «Под дудку крысолова
Идти, под вероломное “ду-ду”
Написано всем грешным на роду
С молодых ногтей до полного маразма.
Вначале смех, а после в горле спазма,
А после холм и почерневший крест,
И никаких обетованных мест.
Понеже нет иной и лучшей яви,
От нынешней отлынивать не вправе».
...Всё так. Но что за лучезарный дом
Припоминаю изредка с трудом?

1980

* * *

Всё как по нотам, как по нотам:
Знобит листву перед отлётом,
А нот осталось «ля» да «си»,
А дальше... Господи, спаси.
Спаси, помилуй, дай мне голос,
Чтоб ноту тонкую, как волос,
Продлить, проплакать, протянуть,
В неведомый пускаясь путь.

1980

* * *

А мне туда и не пробиться,
Откуда родом дождь и птица.
И полевые сорняки
Такие знают тайники,
Какие для меня закрыты.
Дороги дождиком изрыты,
А дождик в сговоре с листвою.
И разговор невнятный свой
Они ведут. И дождь уклончив:
Стихает, речи не закончив,
И вновь летит наискосок,
Волнуя реку и лесок
Речами быстрыми. Как в душу
Я в реку глянула: «Послушай»,
Прошу: «Поведай, покажи»...
А там лишь небо да стрижи.

1980

* * *

Между облаком и ямой,
Меж березой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между Босховским уродом
И весною Боттичелли.

1980

* * *

Ритенуго, ритенуго,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши,
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь, жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

1980

* * *

Прозрачных множество полос.
С берёз, летящих под откос, —
Листва потоком.
Стекают листья градом слёз
С летящих под гору берёз,
И ненароком
Я оказалась вся в слезах,
Хоть ни слезинки на глазах.
Безмолвной тенью
Брожу в мятущихся лесах.
И облака на небесах
И те в смятенье.
И этот ветер поутру,
И это буйство на ветру —
Почти веселье
И пир почти. Не уберу
Листвы с волос. В чужом пиру
Моё похмелье.
Я ни при чём. Я ни при чём.
Я лишь задела ствол плечом
В лесу высоком.
И листья хлынули ручьём,
Сквозным просвечены лучом,
Как горним оком.

1980

* * *

Благие вести у меня.
Есть у меня благие вести:
Ещё мы целы и на месте
К концу сбесившегося дня;

На тверди, где судьба лиха
И не шадит ни уз, ни крова,
Ещё искать способны слово,
Всего лишь слово для стиха.

1980

* * *

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь желтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.

1980

* * *

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше — сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока — забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь — небеса,
Опустишь — травы и роса.

1980

* * *

Однажды выйти из судьбы,
Как из натопленной избы
В холодные выходят сени,
Где вещи, зыбкие, как тени,
Стоят, где глуше голоса,
Слышнее ветры и леса,
И ночи черная пучина,
И жизни тайная причина.

1980

* * *

I

Земля да небо. Третий – лишний.
Ветра то громче, то неслышной
Ему метельною зимой
Гудели в ухо: «Прочь, домой».
А он в ответ: «Я дома. Вот он,
Мой дом. Моим полита потом
Земля», – твердил он, слаб и мал,
Как будто кто ему внимал.

II

А начинал он в до мажоре,
Но, побывав в житейском море
И тяжкую изведав боль,
Сменил тональность на C mol,

И подчинился чёрным знакам,
И надышался чёрным мраком,
И взоры устремив горе,
«Доколь», – воскликнул на заре.

«Доколе, Господи, доколе»,
Прошелестело чисто поле.
«Доколь, доколь, до соль, до ля»,
Вздыхали небо и земля.

1981

* * *

Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Вот хвост у сороки отменно хорош:
Большой, чёрно-белый. Такое перо —
Ему бы стоять на старинном бюро.
И если не манна слетает с небес,
То всё ж филигранна, воздушна на вес
Снежинка, летящая в снежных гуртах.
И это о радости в общих чертах.
И это два слова про дивный пейзаж,
Про фон повседневный, обыденный наш,
Про фон наш обычный. Но, может быть, мы
Являемся фоном для этой зимы,
Для этих сугробов, сорок и ворон.
И терпит картина серьёзный урон,
Когда и летают, и падают ниц
Снежинки на фоне безрадостных лиц.

1981

* * *

И замысел тайный ещё не разгадан
Тех линий, которые дышат на ладан,
Тех линий, какими рисована бэль.
И линии никнут, как в поле ковыль.
Мелок, ворожа и танцую, крошится.
И легче легчайшего жизни лишиться.
Когда и не думаешь о роковом,
Тебя рисовальщик сотрёт рукавом
С туманной картинки, начертанной всеу,
Случайно сотрёт. Чей-то профиль рисуя.

1981

* * *

Есть удивительная брешь
В небытии, лазейка меж
Двумя ночами, тьмой и тьмой,
Пробоина, где снег зимой,
И дождик осенью; пролом,
Куда влетел, шурша крылом,
Огромный аист как-то раз,
Неся замороженных нас.

1981

* * *

I

Как будто с кем-то разлучиться
Пришлось мне, чтоб на свет явиться;
Как будто верности обет
Нарушила, явясь на свет;
И шарю беспокойным взором
По лицам и земным просторам,
Ища в сумятице мирской
Черты заветные с тоской;
Как будто все цвета и звуки
Обретены ценой разлуки
С неповторимым вечным «Ты»,
Чьи страшно позабыть черты.

II

Ещё пролёт, ещё ступени,
Войду – и рухну на колени!
Ещё пролёт – и дверь рывком
Открою. Господи, о ком,
О ком тоскую, с кем в разлуке
Живу, кому слезами руки
Залью. Кому почти без сил
Шепчу: «Зачем ты отпустил,
Зачем пустил меня скитаться,
Вперёд спешить, назад кидаться,
Зачем», – шепчу. И в горле ком.
...Ещё ступенька, и рывком
Открою двери. И ни звука...
Такая долгая разлука.
Открою дверь – и свет рекой.
Войду и рухну. И покой.

1981

* * *

Говорим, говорим —
Только дыма колечки.
Невесомы, как дым,
Словеса и словечки.

Крепко держим стило —
Пишем фразу за фразой.
Написали — бело,
Словно *tabula rasa*.

Краской той, что густа,
Размалёвана густо
Вся поверхность холста,
Отодвинулись — пусто.

Что за сладостный труд,
С каждым днём осторожней
Наполняем сосуд
Безнадёжно порожний.

1981

* * *

Давай поедem по кольцу,
Чтоб от начала и к концу,
А может, от конца к началу.
И коль тебя не укачало,
Давай с тобой средь тех же мест
Кружить пока не надоест.
Дорога, изгородь, скворешник,
Дорога, изгородь. Орешник
Роняет вешнюю пыльцу.
Давай поедem по кольцу.

1981

* * *

Чьи-то руки взметнулись над стылой водой.
Как бы дело не кончилось страшной бедой,
Как бы кто-то в отчаяньи или в бреду
Не пропал в зачарованном этом пруду.
Сбереги его душу, Господь, сбереги...
По осенней воде разбежались круги...
Чьи же руки вздымались? И голос был чей?
И кому целый лес запыхавших свечей?

1981

* * *

Мы у вечности в гостях
Ставим избу на костях,
Ставим избу на погосте
И зовем друг друга в гости:
«Приходи же, милый гость,
Вешай кепочку на гвоздь».
И висит в прихожей кепка.
И стоит избушка крепко.
В доме радость и уют,
В доме пляшут и поют,
Топят печь сухим поленом,
И почти не пахнет тленом.

1981

* * *

Ты сброшен в пропасть — ты рождён.
Ты ни к чему не пригвождён.
Ты сброшен в пропасть, так лети.
Лети, цепляясь по пути
За край небесной синевы,
За горсть желтеющей травы,
За луч, что меркнет помелькав,
За чей-то локоть и рукав.

1981

* * *

Тихонько дни перетасую
И тот найду, когда в косую
Линейку чистую тетрадь
Так сладко было открывать,
Когда, макнув перо в чернила,
Писала: «Мама Лушу мыла» –
Все буквы в домике косом.
А за окошком невесом
Кружится лист. Смотри и слушай:
Вот мать склоняется над Лушей,
Трёт губкой маленькую дочь,
А ветер лист уносит прочь.

1981

* * *

Моя любовь, мое проклятье,
Судьба моя, в твои объятия
Лечу. В неверные твои.
Таи все тайное, таи,
Ветрами раздувай мне платье,
Июньским ливнем напои.
И на отчаянное «где ты?»
Не отвечай. Лучом согреты
Дороги, по каким лечу..
Не ты ль склоняешься к плечу
И шепчешь: «Вот промчится лето,
А осенью озолочу».

1982

* * *

Такая тоска и такое веселье
Испить до конца это дивное зелье.
Такое веселье, такая тоска,
Что жизнь и любовь не прочней волоска.
И тянется линия волосяная,
И ветер осенний над ухом стеная,
Слезу вышибает. И кружит у ног
Опавшие листья. И листья — манок,
И песни осенней щемящая нота —
Всего лишь тенёта. Манок и тенёта.
И это скрещенье ветвей и путей —
Привычный узор драгоценных сетей.

1982

* * *

Плохо дело, плохо дело.
За ночь роща поредела,
И случившийся пробел
Дождик штопал как умел.
Штопал жиденькою штопкой,
Нитью рвущейся и робкой.
Дождь, цепляясь за кору,
Штопал каждую дыру.
Мир со множеством отверстий
Ветер гладил против шерсти,
Супротив да супротив,
Ветви голые скрутив
До болезненного хруста...
Свято место нынче пусто,
И витают, где бело,
Только ветер да крыло.

1982

* * *

— Ты куда? Не пойму, хоть убей.
Голос твой все слабей и слабей.
Ты куда?

— На Кудыкину гору
Белоснежных гонять голубей.
Ты живи на земле, не робей.
На земле хорошо в эту пору.
Нынче осень. А скоро зима.
Той зимою, ты помнишь сама,
Снег валил на деревья и крышу.
На деревья, дорогу, дома...
Мы с тобою сходили с ума,
Помнишь?

— Да, но едва тебя слышу.

1982

* * *

И не осмыслить в словах,
И не измерить здешней меркой —
В бездонность маленькою дверкой
Сияет просинь в небесах.

Сияет просинь в небесах,
Зияет пропуск буквы в слове.
Не надо с ручкой наготове
Стоять у буквы на часах.

Пространство, пропуск, забытьё...
Лишь тот земную жизнь осилит,
Кто будет поражён навьлет
Непостижимостью ее.

В пустом пространстве ветер дик...
Попробуй жить в стабильность веря:
Что ни мгновение — потеря.
Что ни мгновение — тайник.

1982

* * *

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара.
А на ней юнцов орава.
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата —
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжело виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

1983

* * *

Итак, место действия — дом на земле,
Дорога земная и город во мгле.
Итак, время действия — ночи и дни,
Когда зажигают и гасят огни
И в зимнюю пору, и летней порой.
И, что ни участник, то главный герой,
Идущий сквозь сумрак и свет напролом
Под небом, под Богом, под птичьим крылом.

1983

* * *

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух,
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, — говорят в ответ, —
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, — говорят устало, —
Что ни отдай, всё будет мало.

1983

* * *

Осыпающийся сад
И шмелиное гуденье.
Впереди, как сновиденье,
Дома белого фасад.
Сад, усадьба у пруда,
Звук рояля, шелест юбки...
Давней жизни абрис хрупкий,
Абрис зыбкий, как вода,
Лишь в душе запечатлён.
Я впитала с каплей млечной
Нежность к жизни быстротечной
Ускользящих времён...

1983

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою?

1983

* * *

Безумец, что затеял?!
Затеял жить на свете.
И кто тебе навеял
Блажные мысли эти?
Затея невозможна.
Почти невыполнима.
Любая вежа ложна,
Любая данность мнима.
Скажи, тебе ли впору
Раздуть под ливнем пламень,
И на крутую гору
Вкатить Сизифов камень,
Того, кто всех дороже,
Оплакивать на тризне?
И ты воскликнул: «Что же
Бывает кроме жизни?»

1984

* * *

Маме

Прости меня, что тает лёд.
Прости меня, что солнце льёт
На землю вешний свет, что птица
Поет. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьётся след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Всё зацветет. Прости, родная.

1984

* * *

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.

Люби без памяти о том,
Что всё рассеется потом,
Уйдёт, разрушится и канет,
И отомрёт, и сил не станет
Подумать о пережитом.

1984

* * *

Преходящему — вечности крылья,
Ветра вольного, света обилье,
Устремленья кочующих стай.
От подробностей душных засилья
Улетай, улетай, улетай.

День текущий — забота о гнёздах.
День текущий — страда, но и роздых
На совсем беспредельном пути.
Преходящему — вечности воздух.
Улетай, и лети, и лети.

Из текущего произрастая,
Поднимайся туда, где густая
Синь небесная и облака,
Косяком перелётная стая,
И века, и века, и века.

1984

* * *

Небо к земле прилегает не плотно.
В этом просвете живём мимолётно,
И, попирая земную тщету,
Учимся жизнь постигать на лету,
Чтоб надо всем, что ветрами гасимо,
Стёрто, повержено, прочь уносимо,
Духу хватило летать и летать,
И окрыляться и слёзы глотать.

1985

* * *

По какому-то тайному плану
Снег засыпал и лес и поляну,
Берега водоёмов и рек.
Скоро кончится нынешний век,
Век двадцатый с рожденья Христова...
А пока половина шестого
Или где-то в районе шести.
И, часы позабыв завести,
Занят мир увлекательным делом:
Тихо пишет по белому белым.

1985

* * *

Слово — слеза, но без соли и влаги.
Слово — огонь, не спаливший бумаги.
Слово условно, как поза и жест:
Любят и гибнут, не сдвинувшись с мест.
Слово надежды и слово угрозы,
Точно скупые античные позы...
Дело зашло за порог болевой.
Вот и свидетельство боли живой:
Десять попарно рифмованных строчек
С нужным количеством пауз и точек.

1985

* * *

Высота берется с лёту.
Не поможет ни на йоту,
Если ночи напролёт
До измоту и до поту
Репетировать полёт.

Высота берется сходу.
Подниматься к небосводу
Шаг за шагом день и ночь —
Всё равно, что в ступе воду
Добросовестно толочь.

Высота берется сразу.
Не успев закончить фразу
И земных не кончив дел,
Ощувив полёта фазу,
Обнаружишь, что взлетел.

1986

* * *

Нам август, уходя, позолотил пилюлю:
Позолотил листву, скользнул лучом по тюлю
В распахнутом окне, прошелестел садами,
И одарил сполна сладчайшими плодами,
Чтоб мы вкусили миг разлуки горько-сладкий;
Позолотил строку в исписанной тетрадке,
Где маются слова, тире и запятые
В попытке удержать мгновенья золотые.

1986

* * *

Роза, жасмин и шиповник, и роза....
В этом избытке для жизни угроза.
Роза, жасмин и шиповник — богатство,
Роскошь и пир, и почти святотатство.
Господи, Боже, не дай насыщенья.
Слишком обильно твоё угощенье.
Слишком обильно и пышно, и сдобно.
Яство такое едва ли съедобно.
Роза, жасмин и шиповник, и роза —
Чуда земного смертельная доза.
Для вдохновенья, и счастья, и боли
Нам бы хватило и тысячной доли.

1986

* * *

Поющий циферблат. Крылатые часы.

— Скажи, который час?

— Час утренней росы.

Час утренней росы и птичьих голосов.

Волшебные часы. Точнее нет часов.

— Живя по тем часам, скажи, который час?

— Тот самый заревой, когда Всевышний спас

Нас, грешных, от тоски, вручив бесценный клад:

Крылатые часы, поющий циферблат.

1987

* * *

Смертных можно ли стращать?

Их бы холить и прощать,

Потому, что время мчится

И придётся разлучиться.

И тоски не избежать.

Смертных можно ль обижать,

Изводить сердечной мукой

Перед вечною разлукой?

1987

* * *

Мелким шрифтом в восемь строк
Про арест на долгий срок,
Про ежовщину и пытки,
Про побега две попытки,
Про поимку и битьё,
Про дальнейшее житьё
С позвоночником отбитым —
Сухо, коротко, петитом.

1987

* * *

Идти на убыль не пора:
В смоле сосновая кора,
Сегодня солнечно и сухо,
И песнь, приятная для слуха,
Звучнее нынче, чем вчера;
И птица кончиком крыла
Черкнула на озерной глади,
Что мы живём лишь Бога ради,
И взмыла в небо, как стрела.

1987

* * *

Сколько напора, и силы, и страсти
В малой пичуге невидимой масти,
Что распевает, над миром вися.
Слушает песню вселенная вся.
Слушает песню певца-одиночки,
Ту, что поют, уменьшаясь до точки,
Ту, что поют на дыханье одним,
На языке, для поющих родном,
Ту, что живёт в голубом небосводе
И погибает в земном переводе.

1987

* * *

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вежи земные,
Которых не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой над кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребёнка.

1989

* * *

Несовпадение, несовпадение.
О, как обширны земные владения,
О, как немыслима здесь благодать.
Как ненавязчиво Божье радение,
Сколько причин безутешно рыдать.
Жаждешь общения – время немотное.
Жаждешь полёта – погода нелётная.
Жаждешь ответа – глухая стена,
Воды стоячие, ряска болотная,
Да равнодушная чья-то спина.
Что ж остаётся? Смириться да маяться,
Поздно прозреть, с опозданием раскаяться...
Вечный зазор меж тогда и теперь...
Кто-то к снесённому дому кидается,
Ищет в отчаяньи старую дверь.

1989

* * *

Возвращаемся на круги своя,
Наболевшее от других тая.
А захочется поделиться вдруг,
Не поймёт тебя даже близкий друг.
Он и сам в беде, он и сам в тоске,
Он и сам почти что на волоске.
Тянешь руки ты, тянет руки он,
А доносится только слабый стон.
И когда молчим, и когда поём —
Каждый о своём, каждый о своём.

1989

* * *

И в чёрные годы блестели снега,
И в чёрные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вели,
Деревья вишнёвые нежно цвели,
Качались озёрные воды
В те чёрные, чёрные годы.

1989

* * *

Из пышного куста акации, сирени,
Где круто сплетены и ветви, и листва,
Из пышного куста, его глубокой тени
Возникли мы с тобой, не ведая родства.
Дышало всё вокруг акацией, сиренью,
Акацией, грозой, акацией, дождём...
Ступив на первый круг, поддавшись нетерпению,
Пустились в дальний путь. Скорей. Чего мы ждём?
И каждый божий день — посул и обещанье.
И каждый новый день и каждый новый шаг...
Откуда же теперь тоска и обнищанье,
Усталость и тоска, отчаянье и мрак?
А начиналось так: ветвей переплетенье,
И дышит всё вокруг сиренью и грозой,
И, видя наш восторг, шумит листва в смятенье,
И плачет старый ствол смолистою слезой.
Неужто лишь затем порыв и ожиданье,
Чтоб душу извели потери без конца?
О, ливень проливной и под дождём свиданье,
О, счастье воду пить с любимого лица.

1989

* * *

Шуршат осенние дожди,
Целуя в темя.
Ещё немного подожди,
Коль терпит время.
Ещё немного поброди
Под серой тучей,
А вдруг и правда впереди
Счастливый случай,
И всё текущее не в счёт —
Сплошные неги.
А вдруг и не жил ты ещё
На белом свете,
Ещё и музыка твоя не зазвучала...
Надежду робкую тая,
Дождись начала.

1989

* * *

Да разве можно мыслить плоско,
Когда небесная полоска
Маячит вечно впереди,
Маня: «Иди сюда, иди».
Маячит, голову мороча,
Неизречённое пророча,
Даруя воздух и объём,
Которые по капле пьём
Из голубой бездонной чаши.
Отсюда всё томленье наше,
Неутолённость и печаль.
Попробуй к берегу причаль,
Когда таинственные дали
Постичь идущему не дали
Ни первым чувством, ни шестым,
Что там, за облаком густым.

1989

3
А из техёного, Фриуса
Небесного всё поют живые,
Живое всё дондевалл

Утоли моя печали

Стихи 90-х годов

* * *

Так хочется пожить без боли и без гнёта,
Но жизнь — она и есть невольные тенёта.
Так хочется пожить без горечи и груза,
Но жизнь — она и есть сладчайшая обуза,
И горестная весть и вечное страданье.
Но жизнь — она и есть последнее свиданье,
Когда ни слов, ни сил. Лишь толчея вокзала.
И ты не то спросил. И я не то сказала.

1990

* * *

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека,
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездонен светлого запас, а чёрного в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка,
И надо медленно читать и утопать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках.
И жизнь не хочет вразумлять и звать
на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

1990

* * *

Нельзя так серьёзно к себе относиться.
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой,
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.
Забыть бы себя, как багаж на перроне.
Забыть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был и не стало. Маячил и нету.

1990

* * *

Спасибо тебе, государство.
Спасибо тебе, благодарствуй
За то, что не всех погубило,
Не всякую плоть изрубило,
Растлило не каждую душу,
Не всю испоганило сушу,
Не все взбаламутило воды,
Не все твои дети — уроды.

1990

* * *

Мемуары, флёр и дымка.
Тайна выцветшего снимка.
Дни текли, года летели,
Было всё на самом деле
Прозаичнее и жестче,
И циничнее, и проще,
И сложнее, и несуразней,
В сотни раз многообразней.
Ну а память любит дымку,
Снимок тот, где все в обнимку.
Там скруглила, там смягчила,
Кое-где слезой смочила,
Кое-где ошиблась в дате,
А в итоге, в результате
Обработки столь коварной
У бывшего — вид товарный.

1990

* * *

А ты в пути, а ты в бегах,
Ты переносишь на ногах
Любую боль и лихорадку,
И даже бездна в двух шагах
Есть повод вновь открыть тетрадку.

И близкой бездны чернота,
И неподъёмные лета
Вдруг обнаруживают краски,
Оттенки, краски и цвета
И срочной требуют огласки.

И, Боже правый, тишь да гладь
Способны малого не дать
Душе гроша на пропитанье,
И дивной пищей может стать
В потёмках нищее скитанье.

1991

* * *

Утоли моя печали.
На закате ль, на заре
Ветры сосны раскачали
На Николиной горе.

И поскрипывают сосны,
И качаются стволы...
Времена, что светоносны,
Станут горсткою золы.

Говорю и тихо плачу:
Что не вымолвят уста —
Всё сплошная неудача,
Только общие места.

Слово было лишь в начале,
А потом слова одни...
Утоли моя печали
И со Словом породни.

1991

* * *

Мы ещё и не живём
И не начали.
Только контуры углём
Обозначили.
Мы как будто бы во сне
Тихо кружимся
И никак проснуться не
Удосужимся.
Нам отпущен воздух весь,
Дни отмерены,
Но как будто кем-то здесь
Мы потеряны.
Нас забыли под дождём —
Мы не пикнули,
Но как будто вечно ждём,
Чтоб окликнули.

1991

* * *

Мильон оранжевых штрихов,
Меж ними — просинь.
Не надо более стихов
Писать про осень.

Она до самых до небес
Давно воспета,
На тьму лирических словес
Наложим вето.

Не станем более плести
Словесной пряжи,
И вздор восторженный нести
В безумном раже...

Но все слова, какие есть,
Опять рифмую,
Им не умея предпочесть
Любовь немую.

1992

* * *

Совершая путь извечный,
Каждый едет в пункт конечный,
Где обязан выходить,
Где любой сверчок запечный
Должен в бездну угодить.

А в неё так лень кидаться,
Так хотелось бы скитаться
Средь давно обжитых мест,
По кругам своим кататься,
Уплативши за проезд

Хоть натурой, хоть банкнотом...
Поворот за поворотом —
И везде узор иной:
То листва с её полётом,
То сирень живой стеной.

1992

* * *

На крыше — мох и шишки,
Под ней — кусок коврижки
И чайник на плите...
Предпочитаю книжки
Извечной суете.
Продавленный диванчик,
Да в поле одуванчик,
Который поседел.
Набрасываю планчик
Своих насущных дел:
Полить из лейки грядку,
И написать в тетрадку
Слова, строку вия,
И разгадать загадку
Земного бытия.

1992

* * *

Всё разрешится чистым «ля»,
Всё разрешится.
Ложатся под ноги поля —
Полынь, душица.
Садится бабочка на грудь,
И гнётся стебель.
Всё разрешится где-нибудь —
Не здесь, так в небе.
Не здесь, так в чистых небесах.
Не вечно бремя.
Коль ты сегодня при часах,
Скажи мне время —
Хочу узнать, когда в краю,
Где столько лиха,
Бывает тихо, как в раю,
Тепло и тихо.

1992

* * *

Памяти Юрия Карабчиевского

Опять утрата и урон,
Опять прощанье,
И снова время похорон
И обнищанья.

От боли острой и тупой
Беззвучно вою,
И говорю не то с собой,
Не то с тобою.

Я говорю тебе: «Постой.
Постой, не надо.
Быть может, выход есть простой,
Без дозы яда».

Ты мертвый узел разрубил
Единым махом,
В земле, которую любил,
Оставшись прахом.

1992

* * *

Дней ослепительные вспышки
И красок огненных излишки...
Сегодня каждый озарён
И каждый смертен, так как к вышке
С рождения приговорён.
А лето льёт такие пули.
И жалко умирать в июле,
Вернее, жарко умирать.
Куда приятней жить в загуле
И плод сладчайший выбирать.
А плод земной и правда сладок.
Какой убийственный порядок
Без сострадания казнить
Любого, кто до жизни падох.
Пора порядок упразднить
И завести совсем иное
Существование земное,
Живя без точки и конца,
Как луч, что гаснет за стеною,
Чтоб загореться у крыльца.

1992

* * *

Лёгкий крест одиноких прогулок...

О. Мандельштам

Пишу стихи, причем по-русски,
И не хочу другой нагрузки,
Другого дела не хочу.
Вернее, мне не по плечу
Занятие иного рода.
Меня волнует время года,
Мгновенье риска, час души...
На них точу карандаши.
Карандаши. Не нож, не зубы.
Поют серебряные трубы
В соседнем жиденьком лесу,
Где я привычный крест несу
Своих лирических прогулок.
И полон каждый закоулок
Души томлением, тоской
По женской рифме и мужской.

1993

* * *

Уйти легко, а вот остаться
На этом свете, то есть сдать
На милость предстоящих лет
Не просто. Проще сдать билет.
И ни хлопот тебе, ни давки —
Сплошные радости неяви:
Не значусь, не принадлежу,
С опаской в завтра не гляжу.

1993

* * *

Кривоколенный, ты нетленный.
Кривоколенный, ты — душа
Моёй истерзанной вселенной,
Где всем надеждам — два гроша.
Кривоколенный, что за имя,
Какой московский говорок,
Вот дом и дворик, а меж ними
Сиротской бедности порог.
Кривоколенный — все излуки
Судьбы в названии твоём,
Которое — какие звуки! —
Не произносим, а поём.

1993

* * *

Опять минуты роковые.
Опять всей тяжестью на вые
Стоит История сама
И сводит смертного с ума,
И гнёт деревья вековые.

И снова некогда дышать
И надо срочно поспешать
В необходимом направлении,
Осуществляя становленье
И помогая разрушать.

А что до жизни до самой —
То до неё ли, милый мой?
И думать не моги об этом:
Мятеж весной, реформы — летом,
И перевыборы зимой.

1993

* * *

В этой области скорби и плача,
Где эмблемою — череп и кол,
Мы привыкли, что наша задача
Наименьшее выбрать из зол.

Мы усвоили: только лишь крестный,
Крестный путь и достоин и свят,
В канцелярии нашей небесной
Канцелярские крысы сидят.

Ты спроси их: «Нельзя ли без муки?
Надоело, что вечно тоска».
Отмахнутся они от доуки,
Станут пальцем крутить у виска.

1993

* * *

В ночной тиши гуляет ветер...
Господь грядущий день наметил
Вчерне, чтоб набело вот-вот
Пересоздать, и будет светел
Через минуту небосвод,
И вспыхнет он полоской алой...
Возможно ль жить без идеала,
Без абсолюта, без того
Неоспоримого начала –
Для всей вселенной одного,
Без веры, будто в мире этом
Безумном, горестном, отпетом
Должно каким-то светлым днём,
Как в детстве, все сойтись с ответом,
Что дан в задачнике моём.

1993

* * *

Концы с концами я свожу
Путём рифмовки.
Над каждым словом ворожу,
Движеньем ловким
Приделав лёгкие крыла
К слогам конечным,
Чтоб вечно музыка была
В пространстве вечном.
И где грозили небеса
Концом летальным
Легко летают словеса
В наряде бальном.
Танцует смертная тоска —
Крылами машет,
И жизнь, что к гибели близка,
Поёт и пляшет.

1993

* * *

Тьма никак не одолеет.
Вечно что-нибудь белеет,
Теплится, живёт,
Мельтешит, тихонько тлеет,
Манит и зовёт.

Вечно что-нибудь маячит...
И душа, что горько плачет
В горестные дни,
В глубине улыбку прячет,
Как туман огни.

1993

* * *

Надоел ты, человечек, нету сил.
Ну зачем ты плод запретный надкусил?
Потерял ты в результате райский сад
И навек тебе заказан путь назад.
Надоел ты, человечек, надоел.
Ты, должно быть, плод запретный не доел,
Ты, наверно, до конца не догрешил, —
Оттого тебя Господь не порешил.
Лишь обрѣк на тягомотный путь земной.
Сам ты всем своим превратностям виной,
И живѣшь, все время Бога беребя
И упрашивая выслушать тебя.

1993

* * *

Всё это движется, шуршит,
Переливается и машет,
Под чью-то дудку слепо пляшет,
И чей-то замысел вершит.

Переливается, поёт,
И веткой яблоневою манит,
И то ли душу сладко ранит,
Не то бальзам на душу льёт.

О, эти юные миры,
Июньских листьев полог низкий
И счастье оставаться в списке
Живых участников игры.

1993

* * *

А если говорить по существу...
Но, Господи, как теребит листву,
Как ветер листья треплет то и дело...
О чем, бишь, я сказать тебе хотела,
Спросить, сказать? Короче говоря...
Но погляди: качаются, горя
И пламеня, сосны на рассвете...
В вопросе — вдох, а выдох — он в ответе,
А между ними ускользнула нить
Беседы, что ни кончить, ни продлить.

1993

* * *

Закреть бы лавочку да вывеску убрать.
Всё надо вовремя — и жить и умирать.
Закреть бы лавочку, да свет в ней погасить
И ничего не предлагать и не просить.
Закреть бы лавочку на внутренний замок,
Все шумы времени меняя на шумок
Воды, что булькает в заржавленной трубе...
Того же самого не хочется ль тебе?

1993

* * *

Устаревшее — «сквозь слёз»,
Современное — «сквозь слёзы» —
Лишь одна метаморфоза
Среди тьмы метаморфоз.

Все меняется, течёт.
Что такое «штука», «стольник»
Разумеет каждый школьник,
И детсадовец сечёт.

Знают, что «тяжелый рок»
Это вовсе не судьбина,
А звучащая лавина,
Звуков бешеных поток.

От скрежещущих колёс,
Вздутых цен и дутых акций —
Обалдев от всех новаций,
Улыбаемся сквозь слёз.

1993

* * *

*Не просите у осени смысла
Пожалейте её, господа...*

Бахыт Кенжеев

Не проси у жизни смысла,
Не проси.
В небе солнышко повисло —
И мерси.
Только душу просьбой этой
Утомишь
Да напрасно сигаретой
Надымишь,
Да и кончишь в белых тапочках
В гробу.
Лучше вытри чистой тряпочкой
Трубу,
Под небес холодным взором
С жаром дуй
И легко мажор с минором
Чередуй,
Не заботясь, есть ли надоба
В тебе,
В этих играх до упаду
На трубе...
А ветрами всё земное
Так несёт,
Что под ложечкой то ноет,
То сосёт.

1993

* * *

Всех слов и строчек, всех «ля-ля»
Прекрасней чистые поля
Любой страницы.
Пиши, мой друг, себе веля
Остановиться
У той невидимой черты,
За коей немы я и ты.
За той границей
Святое поле немоты
Да сохранится.
Да знает слово свой предел...
Каких бы струн ты ни задел
Своей эклогой,
Какой бы речью ни владел,
Полей не трогай.

1993

* * *

И я сгораю в том огне,
Что отражён в моем окне
В час заревой и час закатный,
И жизнь, дарованная мне,
Не мнится больше необъятной.
Горят, охвачены огнём
Непобедимым, день за днём,
Горят и гаснут дни и годы.
Сей мир — души не чаю в нём,
Хоть он лишил меня свободы,
Не дав спокойствия взамен.
Какой чудесный феномен —
Любить лишь то, что душу ранит:
Над пропастью опасный крен,
Существование на грани
Невесть чего. Исхода нет.
Любовь? Она лишь стылый след.
Покой? Но он нам только снится.
Так что же есть? Небесный свет,
В котором облако и птица.

1993

* * *

Надоели хмарь и хаос,
Бред, творящийся без пауз,
Оказаться бы на стрит,
Что витринами пестрит,

Где ни путчей и ни драки,
Ни блуждания во мраке,
Где лужайка и газон
И в поступках есть резон.

Матерясь, ломая ноги,
По нечищенной дороге,
По заснеженным путям
Все идём ко всем чертям.

1994

* * *

Так и маемся на воле,
Как бездомные,
То простые мучат боли,
То фантомные.

Ломит голову к ненастью,
В сердце колики...
Сядем, братья по несчастью,
Сдвинув столики.

Сдвинем столики и будем
Петь застольную,
Подарив себе и людям
Песню вольную,

Всё болезненное, злое
И дремучее,
Переплавив в неземное
И певучее.

1994

* * *

Цветы и капельки росы,
И леса влажные власы
Колеблет ветер...
Остановились все часы
На белом свете.
Остановились, не идут,
Преодолев привычный зуд
Идти куда-то.
Куда-то рваться — зряшный труд,
Пустая трата
Себя. И кто сказал, что ТАМ
Важнее находиться нам,
Чем ЗДЕСЬ остаться,
Всем этим травам и цветам
Без боя сдатьсь?
Сбивая с будущего спесь
Провозгласим: прекрасно ДНЕСЬ,
СЕЙЧАС и НЫНЕ,
И дивно пахнет чудо-смесь
Сосны, полыни.

1994

* * *

Наливаю в вазу воду,
Опускаю три гвоздики.
...Забрела, не зная броду,
В мир чарующий и дикий.
И, прожив здесь полстолетья,
Убедилась – брода нету..
Дождь опутал частой сетью
Эту странную планету,
Где бесчисленны загадки
Силы Божьей и бесовской,
Где лежат мои закладки
В толстой книге философской.

1994

* * *

Живём себе, не ведаем
В какую пропасть следуем
И в середине дня
Сидим себе, обедаем,
Тарелками звеня.

И правильно, без паники,
Ведь мы не на Титанике,
А значит, время есть
И чай допить и пряники
Медовые доесть.

1994

* * *

И ты попался на крючок,
И неба светлого клочок
Сиял, пока крючок впивался
И ты бессильно извивался,
Стремясь на волю, дурачок.
Тебе осталось лишь гадать
Зачем вся эта благодать,
И для чего тебя вдруг взяли,
Из тьмы беспамятства изъяли,
Решив земное имя дать.

1994

* * *

Кнудом и пряником. Кнудом
И сладким пряником потом.
Кнудом и сдобною ватрушкой...
А ежели кнудом и сушкой,
Кнудом и корочкой сухой?
Но вариант совсем плохой,
Когда судьба по твари кроткой –
Кнудом и плёткой, плёткой, плёткой.

1994

* * *

В машинном рёве тонет зов,
И вместо дивной кантилены
Звучит надсадный вой сирены
И визг безумных тормозов.
И всё же надо жить и петь,
Коль петь однажды подрядился,
И надо верить, что родился,
Чтобы от счастья умереть.

1994

* * *

А между тем, а между тем,
А между воспаленных тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты и я,
Пропитанные злобой дня.

1994

* * *

И золотым дождем прольётся
Листва, падёт сплошной стеной,
Земля бесшумно повернётся
Своею лучшей стороной,
И время бег свой напряжённый
Прервёт на самый краткий миг,
Чтоб разглядеть замороженно
Земли преображённый лик.

1995

* * *

Живём, а значит, длим попытку
Вдеть ускользящую нитку
В иглу с невидимым ушком.
...Семь вёрст до неба — всё пешком,
Всё лесом, а дойти б не худо.
Стихов немислимая груда —
Попытка навести мосты.
Как небо помыслы чисты
И связаны не с миром этим,
А с миром ТЕМ. ТУДА мы метим,
И рвётся каждая строка
С листа бумаги в облака.

1995

* * *

А пока из этой жизни нас не выбили
Вижу иву, что согнулась в три погибели,
Вижу иву серебристую, плакучую,
Примоститься рядом с нею рада случаю,
Примоститься рядом с ивою над речкою,
Где плывут овечка следом за овечкою,
То есть облако пушистое за облаком —
Жизнь морочит нас своим смиренным обликом.
И гляжу я на неё глазами кроткими...
Что-то дни опять становятся короткими,
Но куда ни гляну — всюду золото чистое,
Исключение лишь ива серебристая.

1995

* * *

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

1995

* * *

Земля из-под ног уплывает. Бывает.
И всё, что случается, с толку сбивает.
И что-то ещё затевает судьба.
А мне надоели и бег, и ходьба,
И прочие вещи в активном залоге.
Уж слишком зарвался безумец двуногий,
Уж слишком зазнался несчастный фантом.
«Мой век, — говорит он, — мой город, мой дом».
И в тексте слова выделяет курсивом,
И вслух разглагольствует с видом спесивым,
Пока уплывает она из-под ног —
Земля, на которой он так одинок.

1995

* * *

Получен счёт за телефон —
За звуковой привычный фон,
За постоянные помехи,
За то, что тонут в чьём-то смехе
Мои горчайшие слова,
За то, что кругом голова
От бесконечных разговоров,
За то, что вздохи вместо взоров,
За то, что краткое «пока»
Сказать не в силах, хоть рука
И затекла и занемела,
За то, что снова не сумела
Прервать пустую болтовню,
За то, что сорок раз на дню
Рождаются и гаснут в трубке
Слушок, смешок и голос хрупкий.

1995

* * *

Заполним форму: год рожденья —
То бишь начало наважденья,
Начало бреда или сна...
Задача, кажется, ясна.
А в той графе, что ниже даты,
Дадим свои координаты;
Левее — пол; каких кровей
Укажем ниже и правей,
И роспись. Что, теперь яснее
И жизнь и как справиться с нею?

1995

* * *

Откуда ты?
Как все — из мамы,
Из темноты, из старой драмы,
Из счастья пополам с бедой,
Из анекдота с бородой.
Ну а куда?
Туда куда-то,
Где все свежо: цветы и дата,
И снег, и ёлка в Новый год,
И кровь, и боль, и анекдот.

1996

* * *

Основа, твердая основа,
Фундамент, сруб...
А слово, что такое — слово?
Движение губ,
Штришок какой-то на бумаге
Да завиток...
Куда реальной капля влаги,
Чем слов поток.
Но коль она тебе по нраву —
Игра в слова,
И ценишь авторское право —
Качай права:
Ставь копирайт в углу листочка,
Пометь края,
Провозгласив: «Любая строчка
Моя, моя».

1996

* * *

М. Ш.

I

Отчалила Харона лодка...
Незрима та перегородка,
Что разделяет ЗДЕСЬ и ТАМ,
И тени бродят по пятам
За нами преданно и кротко.
Отгородившись тишиной
И полупризрачной стеной
От нашей суеты всегдашней,
Они близки, как день вчерашний,
И далеки, как мир иной.
...И слёз обильных не унять,
Не удержать и не обнять
Того, кто стал бесплотной тенью.
«Смиренью, — говорят, — смиренью
Учись, коль некому пенять».

II

И снова в этом мире Божьем
Вполне прозрачным днём погожим
Творится невозможный бред,
И нету сил дышать, и нет
Опоры. Лишь мороз по коже.

Опять творится бред. Опять
В оцепенении стоять
Над свежеврытой могилой,
Взывая: «Господи, помилуй»
К тому, кто вздумал всё отнять.

1996

* * *

Всё страньше и страньше...
«Алиса в стране чудес»

Всё страньше жизнь моя и страньше,
Ещё странней она, чем раньше,
Ещё причудливей, чудней,
Ещё острее тоска по ней —
Чудной и чуждой. Что же дальше?
А дальше — тишина, стена...
Смотри-ка, лампа зажжена
В чужом окне, где жизнь чужая
Проходит, старый провожая
И привечая новый миг.
Попробуй не сорвись на крик
И не воскликни: «Стой, мгновенье,
Постой», но ветра дуновенье
Возможно ли остановить?
Сухие губы шепчут: «Пить».
А может, «Жить». Дадут напиться,
Но жажда вряд ли утолится.
И длится бег ночей и дней,
Чей тайный смысл всё темней,
А видимый и чужд и странен...

Любой из нас смертельно ранен
И мучим жаждой без конца,
А из тяжёлого свинца
Небесного всё льют живые
Живые воды дождевые.

1996

* * *

Нашёл себя? Ну, слава Богу.
Бери находку — и в дорогу.
Бери находку — и вперёд,
Туда, где оторопь берёт,
Где то в упадке, то на взводе
Живут — и силы на исходе,
И хочется, как букву «ять»,
Себя навеки потерять.

1996

* * *

Осыпается жасмин, осыпается...
Спит душа моя и не просыпается,
Видит белого жасмина цветение...
Впрочем, то ли это сон, то ли бдение,
То ли это сна и яви свидание...
Видит белых лепестков увядание,
Видит как они на землю — увядшие —
Опускаются, как ангелы падшие.

1996

* * *

Всё в порядке вещей, а верней, в беспорядке.
В жизни хаос такой же, как в этой тетрадке —
И темно, и тревожно, тревожно, темно,
Что-то кончено, что-то всего лишь в зачатке,
Что-то накрест зачеркнуто — отменено.
Что ни строчка, точнее сказать, ни мгновенье —
То волненье, похожее на вдохновенье,
Вечно тянет то петь, то беззвучно рыдать...
Что же, Господи, делать-то с этим? «Забвенью», —
Ты сказал бы, наверно, — «забвенью предать».

1996

* * *

Что кроме странствия, что кроме
Скитания? В уютном доме
Живём, во времени, в стране,
Минуты мчатся и оне
(Люблю архаику) уносят
Тебя, меня, а там и бросят,
Оставят неизвестно где
В покое вечном, как в беде...
Но может статься, может статься,
Нам предстоит и ТАМ скитаться,
И ТАМ покоя не дано, —
Но лишь скитание одно.

1996

* * *

Цвет жёлтый — это цвет измены.
Глаза рябит от пышной пены
Листвы, которая желта...
Сам Бог велит сойти со сцены
Поскольку пьеса прожита...
Ещё четыре кратких вдоха —
И переменится эпоха,
В которую привыкли жить:
Любить, тужить и ждать подвоха,
Осенним вечером кружить, —
Эпоха, с коей связан кровно...
А впрочем, это всё условно —
Тысячелетья и года. —
Сплошной поток струится ровно,
Не утекая никуда.

1996

* * *

Во влажные кусты жасмина
Лицом зарыться, в белый куст,
И ничего не знать помимо
Того, что день, как небо, пуст,
Как небо, пуст, как небо, светел.
«Ты кто?» — спросила я его, —
«Среда? Суббота?». Не ответил
Мне день тишайший ничего.
«Который час? Число какое?», —
Спросила. Он не отвечал,
И я оставила в покое
Его, чтоб он не осерчал.
А он сиял, сиял и длился,
Не зная рамок и тисков,
Пока однажды не пролился
Дождём бесшумных лепестков.

1997

* * *

Идут по свету дяди, тѣти,
И все они в конечном счѣте
Куда-нибудь придут.
Ну а душа — она в полѣте,
Она ни там, ни тут,
Коль есть она. А если нету,
Придѣтся бедному поэту
Вот так писать в тиши:
«Людской поток течѣт по свету,
Течѣт — и ни души».

1997

* * *

*Эпитафия на смерть минуты.
22 июня.*

«Пространство певучее светлое,
Останься певучим и светлым», —
Твержу, хоть и знаю — заветное
Желанье является тщетным.

И стрелка, всегда неуёмная,
Всё движется, всё поспешает
И нас обрекает на тёмное,
И светлой минуты лишает.

О вечное усекновение
Июньского дня светового!
День кратче уже на мгновение.
Простимся же двадцать второго

С надеждой на свет нескончаемый —
Потеря не может не ранить —
Прощай, осиянный и чаямый
Миг радости. Светлая память.

1997

* * *

«Вот и лето прошло...»

Арс. Тарковский

Возникли трудности в связи
С концом эпохи.
Давай, поэт, изобрази
Все ахи, охи
Конца эпохи, но, alas,
Конец, начало —
Всё это было столько раз,
Что укачало
тебя, меня. И нет огня
В душе поэта,
И вспомнил он к исходу дня,
Что «вот и лето
Прошло», и что об этом стих
Написан дивный.
Не им, другим. И он затих
В непродуктивной,
В несозидательной тиши
Затих до срока...
Ты пел, поэт? Так попляши
Нам con fuoco.

1997

alas — увы (*англ.*).

con fuoco — с огнём (*итал.*).

* * *

Не вмещаю, Господи, не вмещаю.
Ты мне столько даришь. А я нищаю:
Не имею ёмкостей, нужной тары
Для даров твоих. Ожидаю кары
От тебя за то, что не стало мочи
Всё вместить. А дни мои всё короче
И летят стремительно, не давая
Разглядеть пленительный отблеск края
Небосвода дивного в час заката...
Виновата, Господи, виновата.

1997

* * *

Постой же, время, не теки.
Постой со мною у реки
Такой медлительной и сонной.
Пусть жизнь покажется бездонной
Упрямым фактам вопреки.
На этом тихом берегу
Поверить дай, что всё смогу,
Что ничего ещё не поздно,
Что я... «И ты это серьёзно?» —
Шепнуло время на бегу.

1997

* * *

И лишь в последний день творенья
Возникло в рифму говоренье,
Когда Господь на дело рук
Своих взглянул, и в нем запело
Вдруг что-то, будто бы задело
Струну в душе, запело вдруг,
Затрепетало и зажглось,
И все слова, что жили розно,
«О, Господи», — взмолились слёзно, —
«О, сделай так, чтоб всё сошлось,
Слилось, сплелось.» И с той поры
Трепещет рифма, точно пламя,
Рожденное двумя словами
В разгар Божественной игры.

1997

* * *

Живи, покуда поглощён
самим явлением.
Среди подробностей взращён,
живи мгновеньем.

Оно лишь только и дано.
Всё остальное —
Воображение одно,
причём болезненное.

Живи мгновеньем, что летит
и улетает.
Спонтанных записей петит
душа читает.

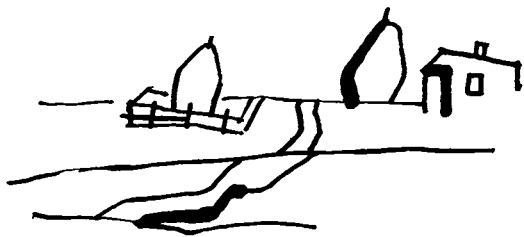
А что там дальше — благодать
иль двери ада —
Ей не дано предугадать
да и не надо.

1997

* * *

На земле-то жить нельзя.
И недаром у Шагала
Пешеходов крайне мало,
Все живут, летя, скользя
Над поверхностью земной.
И фигуры Боттичелли
Не к земной стремятся цели,
А к какой-нибудь иной.
Все они удлинены,
Будто тянутся куда-то
К небесам, что в час заката
И зари воспалены...
На земле ведь жизни нет.
В этом каждый убедился:
Кто-нибудь — когда родился,
А другой — на склоне лет.

1998

4
И два брата́ до моего
чашиса,
где все услышит, а тоска -
она поднималась.

Из новых стихов

* * *

Чем оказался Божий дар?
Содомом.
И белой вишней, что цветёт
за домом,
И белой вишней и метельным
садом,
И вешним ветром и смертельным
ядом,
Что растворён в любой из чаш,
и каждый
Её допьёт, томимый вечной
жаждой.

* * *

— Ну что ж, полетели...

— Куда и зачем?

— Да просто, без цели

За облаком тем...

Да просто махнём в никуда, в никуда,

Послушаем как там гудят провода,

И ветер свистит, и крыло, и крыло,

И сверху увидим, как тихо, бело,

И чисто, и снежно среди долгой зимы

В том мире, который покинули мы.

* * *

Снедаем чем? Терзаем чем?
Тоской снедаем.
Неувядаема тоска.
Неувядаем
Бесшумный мир, где лист опал
и опадает,
Безумный мир, который мал и где
снедает
Меня тоска. И два броска до той
границы,
Где век иссякнет, а тоска —
она продлится.

* * *

Нечто дивное повисло
У меня над головой.
В эти мартовские числа
Повторяю: «Небо, твой,
Небо, твой Буонарроти», —
Вроде так сказал поэт..
Уж который год в полёте,
Сколько зим и сколько лет
Улетаем, прилетаем,
Лишь затем, чтоб улететь,
Возникаем, снова гаем,
Да и то — куда нас деть?
Хомо твой — скажи, Всевышний,
Уж признайся, не тая, —
Есть продукт творенья лишний,
Головная боль твоя.
Вот стоит он, нищий духом,
Сердцем юн, а телом стар,
И поёт тебе над ухом
Вешний свой репертуар.

* * *

Дни тяжелы и неподъёмны.
Казалось бы, светлы, бездонны,
Легки – и всё же тяжелы.
Столь ощутимы и объёмны,
А догорят – и горсть золы.
И как нести всю тяжесть эту:
Весомых дней, текущих в Лету,
Событий иллюзорный вес,
Покров небес, которых нету, –
Аквамариновых небес.

* * *

«La vie», — поёт Эдит Пиаф,
«La vie, La vie», лови мгновенье...
И этот голос вечно прав,
И не грозит ему забвенье.
«La vie», — поёт она, где «La»
Артикль, а само-то слово
Настолько коротко — земля
Не слышала короче зова.
«La vie», — поёт она, на крик
Срывается, на крик гортанный.
Лови, лови же этот миг,
Нам для чего-то кем-то данный.
Да хоть и данный, что с того?
Нам только снится обладанье,
Лови, лови, лови — кого? —
Наикратчайший миг свиданья.
«La vie», — как веткой по лицу,
А, может быть, по венам бритвой...
И жизнь опять идёт к концу
И завершается молитвой.

La vie — жизнь (*фр.*).

* * *

Местоименье «Я» имеет место быть,
Неосторожность жить, дышать неосторожность,
И без него — ни дня, и как его забыть
И дать ему не быть какую-то возможность
Хотя бы день иль два?.. Но я жива, жива,
Всегда при мне права на этой жизни сложность,
На голубой покров, вернее, покров
Небес и на слова — их силу и ничтожность.
Тянула «Я-а-а» да «Я-а-а», а зазвучало «а-а-а»,
И буква, что была последней в алфавите,
Вдруг стала первой, да, и в этом вся беда,
И в этом корень зла. Не надо, не тяните.
И всё же «АЗ» да «АЗ», «АЗ ЕСМЬ» — в сотый раз
Творится вечный сказ, прядутся жизни нити,
И вспыхнул звездный час, и вспыхнул, и погас,
И нету буквы «АЗ» перее в алфавите.

* * *

Разыгралась непогода,
Всё стонало и гудело,
В царстве полного разброда
Лишь разброд не знал предела,
Всё стонало и кренилось
В этом хаосе дремучем...
На ветру бумажка билась —
Кто-то почерком летучим,
Обращаясь прямо к миру
Без затей и без загадок,
Написал: «Сниму квартиру.
Гарантирую порядок.»

* * *

Не стоит жить иль всё же стоит —
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут...
Летай душа, какое дело
Тебе во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачайшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

* * *

Ах тонус, тонус, нужный тонус —
Его поддерживает конус
Мороженого в жаркий день,
Его поддерживает тень
В жару, а убивает Хронос,
Чей нрав неумолимо крут:
Сегодня ты как будто тут,
А завтра неизвестно где ты —
Не то на середине Леты,
Не то попал на Страшный Суд,
Не то, не это, и, увы, —
Все эти мысли не новы,
Как, в общем-то, любые мысли...
Жара, но облака повисли
Желанные над головой,
И если ты ещё живой,
И если сливки не прокисли
Вчерашние — себя потешь:
Смешай с клубникой да и съешь.

* * *

Хлестал он по спинам, по спинам,
Струился по саду с жасмином,
Стекал по лицу, по лицу,
По крыше стучал и крыльцу,
Не шёл он, а бешено нёсся
По саду, что дивно разросся,
Он шарил в траве и кустах
И был он у всех на устах,
О нём (о, мгновение славы!)
Шептались и листья и травы,
Он кончился в десять утра...
Сик транзит, сик транзит, сик тра...

* * *

А что там над нами в дали голубой?
Там ангел с крылами, там ангел с трубой,
Там в ангельском облике облако, о!
Такое текучее, так далеко,
Как прошлое наше, как наше «потом»,
Как дом самый давний, как будущий дом,
Верней, домовина. Откуда нам знать
Куда уплывает небесная рать,
Какими ветрами он будет разбит,
Тот ангел, который беззвучно трубит,
Тот ангел, который не ангел, а лишь
Сгущение воздуха, горняя тишь.

* * *

То мимолетна, то длинна —
Но музыка устремлена
В те выси, из которых родом,
И вечно бредит небосводом,
Нездешним светом пленена.
Заглянешь в ноты — тёмный лес
Крючков и знаков. До небес
Семь долгих вёрст, семь нот — всё лесом.
Творимы ангелом и бесом
Её бекар, бсмоль, диз.
Она бела, черна, бела,
Её безгрешные крыла
Белы, но зрак бесовский чёрен,
А темп так бешено ускорен,
Что, закусивши удела,
Она достигла тех высот,
Где нет ни знаков и ни нот.

УРОК АНГЛИЙСКОГО

А будущее всё невероятней,
Его уже почти что не осталось,
А прошлое — оно всё необъятней,
(Жила-была, вернее, жить пыталась),
Всё тащим за собой его и тащим,
Всё чаще повторяем «был», чем «буду»...
Не лучше ль толковать о настоящем:
Как убираю со стола посуду,
Хожу, гуляю, сплю, тружусь на ниве...
— На поле? — Нет, на ниве просвещения:
Вот аглицкий глагол в инфинитиве —
Скучает он и жаждет превращения.
To stand — стоять. Глаголу не стоитя,
Зеленая тоска стоять во фрунте,
Ему бы все меняться да струиться.
Он улетит, ей-Богу, только дуньте.
А вот и крылья — *shall* и *will* — глядите,
Вот подхватили и несут далёко...
Летите, окрылённые, летите,
Гляжу во след, с тоскою вперив око
В те дали, в то немислимое фьюче,
Которого предельно не хватает...
Учу словцу, которое летуче,
И временам, что вечно улетают.

* * *

Oh, I believe in yesterday..
Beatles

Пели «Yesterday», пели на длинных волнах,
Пели «Yesterday», так упоительно пели,
И пылали лучи, что давно догорели,
Пели дивную песню о тех временах,
Полупризрачных тех, где всегда благодать,
Где пылают лучи, никогда не сгорая..
Да хранит наша память подобие рая,
Из которого нас невозможно изгнать.

* * *

Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадёжно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты – своё, я – своё, да и как же иначе?
Дождь идёт – мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали. И как не совпасть?
Я – подобье Твоё, и мои неудачи –
Лишь Твоих незаметная часть.

* * *

Голос ломок, слеза солона,
Взгляд растерян — сии сантименты,
Сокровенные эти моменты
Не забудь, коли память дана.

Помни, помни, memento о ней —
Не о смерти — о жизни, о жизни,
О моментах, что прочих капризней,
Прочих сладостней и солоней.

* * *

А где же мелос? Мелос где?
Где Шуберт — тот, что на воде?
Где Моцарт — тот, что в птичьей гамме?
Какая приключилась с нами,
Вернее, с мелосом, беда?
Быть может, утекла вода,
Та, что пригодна для форели?
Стал суше лес и глуше трели?
Или в созвучии «земля»
Совсем запала нота «ля»,
Запала и звучит так глухо,
Что не улавливает ухо?
А может, больше нет небес
Божественных, поскольку бес
Попутал всю планету нашу
И заварил такую кашу,
Что тошно нам и небесам,
И верхним нотам и басам.

* * *

Невесть чего мы ждали свыше
Когда оттуда снег на крыши
Упал, на тропы, что окрест,
И мир, лишившись тёмных мест,
Вдруг стал подобьем светлой ниши,
Где можно скрыться от невзгод.
Да будет снежным этот год!
Да будет снежным, нежным, нежным...
Вот тронул пальчиком прилежным
Малютка семь древнейших нот:
Ре-ми, — запнулся, — до-ре-ми...
Ну, доиграй уж, не томи,
Играй простые гаммы эти.
Скажи спасибо, что на свете
Всех нот не более семи.
Звучат низы, верхи, низы,
Но там ли, сям — везде азы.
Мы вечно заняты азами —
Густая тьма перед глазами
Иль небо цвета бирюзы.

* * *

Господи, подай словечко,
Онемевшему подай!
Что шепнул Ты — Богу свечка?
Что сказал Ты — к Богу в рай?
Или это мне помстилось,
И молчат Твои уста,
Просто тень слегка сместилась
На странице, что пуста?

* * *

На излёте зимы, на излёте
Века бедствий и века любви
Всё тяну на излюбленной ноте
Ту же песню. И всё ж улови,
Улови, улови перемену:
Песня та же, но в голосе — дрожь...
Впрочем, петь — значит биться об стену,
Ту, которую не прошибёшь.
Разметает, — пою, — разметает
Вешний ветер, и всё разорит...
Но сегодня чуть раньше светает —
Семь пятнадцать, а небо горит.

* * *

«Всё надоело, — говоришь, —
Всё надоело, надоело», —
Твердишь. Кому какое дело,
Что ты уж больше не паришь,
Что никаких не стало сил,
Что впору лишь вздыхать устало,
Что ты тут был, мёд-пиво пил,
Ну а потом тебя не стало?
Сюжет не нов, не нов, не нов,
И не велик улов, ей Богу:
Всего пяток каких-то слов,
Которых не возьмёшь в дорогу.
А что возьмёшь? Да ничего.
И в том печаль, но в том и чудо,
Что даже вздоха своего
ТУДА не унесёшь отсюда.

* * *

Прикрепив крыло к плечу,
Крикнув дерзкое «Лечу!»,
Он сорвался с колокольни...
В мире нет пути привольней,
Безрассудней нет пути.
Ты летишь? Лети, лети...
Вот уже и об землю тело,
Но душа... она взлетела.
Лёгким крылышком шурша,
Устремилась ввысь душа.

* * *

С землёй играют небеса
И дразнят, и грозят обвалом,
Грозят в пожаре небывалом
Спалить жилища и леса.
А в тусклый день — они опять
Покровом серым и смиренным
Висят над этим миром бранным,
И слёз небесных не унять.

* * *

На линии огня, огня,
Где плавится остаток дня
И полыхает, полыхает
И постепенно затухает,
Всевышний, не щади меня!
Пускай сгорит в Твоём огне
Всё опостылевшее мне
Во мне самой. Но если что-то
Ещё пригодное для взлёта
Откроешь Ты на глубине
На самой... Но чего хочу?
Советую Тебе, учу...

Содержание

<i>Наталья ТРАУБЕРГ. Стихи Ларисы Миллер</i>	5
<i>Что с гордом моим, что с ним</i>	9

1. Безымянный день Стихи 60–70-х годов

«А у меня всего одна...»	12
«Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно...»	13
«И я испытывала страх...»	14
«Ни горечь, ни восторг, ни гнев...»	15
«И все же уговор жестокий...»	16
«Нас годы предают...»	17
«Жизнь побалует немного...»	18
«Ветер клонит дерева...»	19
«Так хрупок день – сосуд скудельный...»	20
«В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву...»	21
«Было всё, что быть могло...»	22
«Научи меня простому...»	24
«Гуси-лебеди летят...»	25
«О, разнотравье, разноцветье...»	26
«А там, где нет меня давно...»	27
«Неужто этим дням, широким и высоким...»	28
«Казалось бы, все мечено...»	29
«Безымянные дни. Безымянные годы...»	30
«Пишу – ни строчки на листе...»	31
«Шито белыми нитками наше житьё...»	32

«А вместо благодати – намек на благодать...»	33
«Погляди-ка, мой болезный...»	34
«Не мы, а воздух между нами...»	35
«О Боже, всё звучит, всё требует огласки...»	36
«К юной деве Пан влеком...»	37
«Иди сюда...»	38
«Когда любовь перегорала...»	39
«Все в воздухе висит...»	40
«Неясным замыслом томим...»	41
«Осенний ветер гонит лист...»	42
«Всё как будто не фатально...»	43
«Куда бежать, как быть, о Боже...»	44
«Встань, Яшка, встань...»	45
«Опять это темп – злополучное presto...»	46
«Хоть кол на голове теши...»	47

2. Земля и Дом

Стихи 80-х годов

«Тончайшим сделаны пером...»	50
«Не знаю кем, но я была ведома...»	51
«Всё как по нотам...»	52
«А мне туда и не пробиться...»	53
«Между облаком и ямой...»	54
«Ритенуто, ритенуто...»	54
«Прозрачных множество полос...»	55
«Благие вести у меня...»	56
«Неслыханный случай...»	56
«Любовь до гроба...»	57
«Однажды выйти из судьбы...»	57
I. «Земля да небо. Третий – лишний...»	58

II. «А начинал он в до мажоре...»	59
«Хорошего уйма. Хорошее сплошь...»	60
«И замысел тайный ещё не разгадан...»	61
«Есть удивительная брешь...»	61
I. «Как-будто с кем-то разлучиться...»	62
II. «Ещё пролёт, ещё ступени...»	63
«Говорим, говорим...»	64
«Давай поедем по кольцу...»	65
«Чьи-то руки взметнулись над стыллой водой...»	65
«Мы у вечности в гостях...»	66
«Ты сброшен в пропасть – ты рожден...»	67
«Тихонько дни перетасую...»	68
«Моя любовь, мое проклятье...»	69
«Такая тоска и такое веселье...»	70
«Плохо дело, плохо дело...»	71
«–Ты куда? Не пойму, хоть убей...»	72
«И не осмыслить в словах...»	73
«То облава, то потрава...»	74
«Итак, место действия – дом на земле...»	75
«А чем здесь платят за постой...»	75
«Осыпавшийся сад...»	76
«Не больно тебе, неужели не больно...»	76
«Безумец, что затеял...»	77
«Прости меня, что тает лед...»	78
«Люби без памяти о том...»	78
«Преходящему – вечности крылья...»	79
«Небо к земле прилегает не плотно...»	80
«По какому-то тайному плану...»	80
«Слово – слеза, но без соли и влаги...»	81
«Высота берется с лёту...»	82
«Нам август, уходя, позолотил пиллюлю...»	83

«Роза, жасмин и шиповник...»	83
«Поющий циферблат. Крылатые часы...»	84
«Смертных можно ли стращать...»	84
«Мелким шрифтом в восемь строк...»	85
«Идти на убыль не пора...»	85
«Сколько напора и силы, и страсти...»	86
«Но в хаосе надо за что-то держаться...»	86
«Несовпадение, несовпадение...»	87
«Возвращаемся на круги своя...»	88
«И в черные годы блестели снега...»	88
«Из пышного куста акации, сирени...»	89
«Шуршат осенние дожди...»	90
«Да разве можно мыслить плоско...»	91

3. Утоли моя печали

Стихи 90-х годов

«Так хочется пожить без боли и без гнета...»	94
«Плывут неведомо куда по небу облака...»	94
«Нельзя так серьезно к себе относиться...»	95
«Спасибо тебе, государство...»	95
«Мемуары, флёр и дымка...»	96
«А ты в пути, а ты в бегах...»	97
«Утоли моя печали...»	98
«Мы ещё и не живём...»	99
«Миллон оранжевых штрихов...»	100
«Совершая путь извечный...»	101
«На крыше – мох и шишки...»	102
«Всё разрешится чистым "ля"...»	103
«Опять утрата и урон...»	104
«Дней ослепительные вспышки...»	105

«Пишу стихи, причём по-русски...»	106
«Уйти легко, а вот остаться...»	107
«Кривоколенный, ты нетленный...»	108
«Опять минуты роковые...»	109
«В этой области скорби и плача...»	110
«В ночной тиши гуляет ветер...»	111
«Концы с концами я свожу...»	112
«Тьма никак не одолеет...»	113
«Надоел ты, человек, нету сил...»	114
«Всё это движется, шуришит...»	115
«А если говорить по существу...»	116
«Закрывать бы лавочку да вывеску убрать...»	116
«Устаревшее – "сквозь слёз"...»	117
«Не проси у жизни смысла...»	118
«Всех слов и строчек, всех "ля-ля"...»	119
«И я сгораю в том огне...»	120
«Надоели хмарь и хаос...»	121
«Так и маемся на воле...»	122
«Цветы и капельки росы...»	123
«Наливаю в вазу воду...»	124
«Живём себе, не ведаем...»	125
«И ты попался на крючок...»	126
«Кнотом и пряником...»	126
«В машинном рёве тонет зов...»	127
«А между тем, а между тем...»	127
«И золотым дождём прольётся...»	128
«Живём, а значит, длим попытку...»	129
«А пока из этой жизни нас не выбили...»	130
«Ждали света, ждали лета...»	131
«Земля из-под ног уплывает...»	132
«Получен счет за телефон...»	133

«Заполним форму: год рожденья...»	134
«Откуда ты...»	134
«Основа, твердая основа...»	135
I. «Отчалила Харона лодка...»	136
II. «И снова в этом мире Божьем...»	137
«Всё страньше жизнь моя и страньше...»	138
«Нашёл себя? Ну, слава Богу...»	140
«Осыпается жасмин, осыпается...»	140
«Всё в порядке вещей, а верней, в беспорядке...»	141
«Что кроме странствия...»	142
«Цвет желтый – это цвет измены...»	143
«Во влажные кусты жасмина...»	144
«Идут по свету дяди, тётки...»	145
«Пространство певучее светлое...»	146
«Возникли трудности в связи...»	147
«Не вмещаю, Господи, не вмещаю...»	148
«Постой же, время, не теки...»	148
«И лишь в последний день творенья...»	149
«Живи, куда поглотён самим явлением...»	150
«На земле-то жить нельзя...»	151

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

«Чем оказался Божий дар? Содомом...»	154
«– Ну что ж, полетели...»	155
«Снедаем чем? Терзаем чем? Тоской снедаем...»	156
«Нечто дивное повисло...»	157
«Дни тяжелы и неподъёмны...»	158
«"La vie", – поет Эдит Пиаф...»	159
«Местоименье "Я" имеет место быть...»	160
«Разыгралась непогода...»	161

«Не стоит жить иль всё же стоит...»	162
«Ах тонус, тонус, нужный тонус...»	163
«Хлестал он по спинам...»	164
«А что там над нами в дали голубой...»	165
«То мимолетна, то длинна...»	166
Урок английского	167
«Пели "Yesterday", пели на длинных волнах...»	168
«Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же...»	169
«Голос ломок, слеза солона...»	170
«А где же мелос? Мелос где...»	171
«Невесть чего мы ждали свыше...»	172
«Господи, подай словечко...»	173
«На излёте зимы, на излёте...»	173
«Всё надоело, – говоришь...»	174
«Прикрепив крыло к плечу...»	175
«С землёй играют небеса...»	175
«На линии огня, огня...»	176

Лариса Миллер
Между облаком и ямой

Редакторы
Алла Гладкова, Наталья Рагозина
Технический редактор
Наталья Масалова

Подписано в печать 19.05.99. Формат 60x70 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура NewBaskervilleС.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14.78.
Тираж 1000 экз.

Издательство HGS
117071 Москва, Малый Калужский пер., 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ГЦ МПП
Москва, 2-й Краснопрудный пер., 7

Лариса Миллер

родилась и живет в Москве.

Окончила Институт иностранных языков.

Преподает английский, а также
музыкальную гимнастику по системе
русской танцовщицы Л. Н. Алексеевой.

Автор восьми книг:

«Безымянный день» (1977),

«Земля и дом» (1986),

«Поговорим о странностях любви» (1991),

«Стихи и проза» (1992),

«В ожидании Эдипа» (1993),

«Стихи и о стихах» (1996),

«Заметки, записи, штрихи» (1997),

«Сплошные праздники» (1998).

Internet: [http:// www. penrussia.org](http://www.penrussia.org)